

На правах рукописи

ТРОЯНОВСКИЙ КОНСТАНТИН ВАДИМОВИЧ

**ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ОТНОШЕНИИ
БЕСПОМЕСТНОЙ ШЛЯХТЫ ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЙ.
1795–1870 гг.**

Специальность 07.00.02. – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Санкт-Петербург
2018

Работа выполнена в департаменте истории факультета Санкт-Петербургская школа социальных и гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и на факультете истории Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Научный руководитель:

Селин Адриан Александрович
доктор исторических наук, профессор
департамента истории Санкт-Петербургской школы социальных и гуманитарных наук ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Официальные оппоненты:

Морозан Владимир Васильевич
доктор исторических наук, профессор
кафедры истории народов стран СНГ
ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Вибе Ирина Николаевна,
кандидат исторических наук, научный
сотрудник Российской национальной
библиотеки

Ведущая организация:

Уральский федеральный университет
им Б.Н. Ельцина

Защита состоится «25» апреля 2018 г. в 16:30 часов на заседании диссертационного совета Д.212.232.57 по защите докторских и кандидатских диссертаций на базе Санкт-Петербургского государственного университета по адресу: 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5, ауд. 70 (Институт истории СПбГУ).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им А.М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета и на сайте <http://spbu.ru>

Автореферат разослан « 5 » марта 2018 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор исторических наук,
профессор

А.В. Петров

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования обусловлена наблюдаемым с начала 1990-х годов устойчивым интересом международного сообщества исследователей к изучению государственного управления в Российской империи – методов удержания и укрепления власти центра над гетерогенным политическим и социальным пространством. Хотя в историографии подробно рассмотрены различные аспекты правительственной политики в «окраинных» регионах России, отдельные ее стороны остаются малоизученными. Проблематизация концепта «империи» выдвинула на первый план трудности описания ее исторических реалий с помощью современных категорий анализа, сформировавшихся в эпоху национальных государств¹. Одной из категорий «донациональной» эпохи, широко использовавшихся при самоописании современниками социальной организации империи было понятие «сословие». Полтора века тому назад официальный взгляд на общественное устройство в Российской империи представлял подданных как совокупность людей, разделенных на сословия (признаваемые властью группы населения, обладающие передаваемыми по наследству правами и обязательствами в отношении государства).

В современном мире наблюдается появление новых социокультурных идентичностей и общественных групп, а проблема «управления различиями» стала одной из ключевых², поэтому взгляд на специфику регулирования социоправовых отношений для управления социумом донациональной эпохи может быть полезным для более полного понимания современных тенденций движения к «постнациональному» миропорядку.

Исследовательская проблема. В результате второго и третьего разделов Речи Посполитой 1793–1795 гг. Российская империя приобрела обширные территории с населением в несколько миллионов человек. Одной из главных особенностей исчезнувшего польско-литовского государства была многочисленность его привилегированного сословия – шляхты, которая составляла в середине XVIII в., по принятым в современной историографии оценкам, 8–10 % всего населения³. К 1796 г. в пределах империи проживало свыше 250 тысяч шляхтичей⁴. Старопольское дворянство представляло собой конгломерат различных по своему имущественному положению социальных групп. Значительное большинство дворян Речи Посполитой, превратившихся в подданных российских монархов, принадлежало к мелкой шляхте, которую современники подразделяли на несколько категорий. «Чиншевая» шляхта по договоренности с помещиками владела небольшими участками земли,

¹ В поисках новой имперской истории // Новая имперская история постсоветского пространства / Под ред. И.В. Герасимова, С.В. Глебова, А.П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семенова. Казань, 2004. С. 15, 19, 26.

² В поисках новой имперской истории. С. 19.

³ Rostworowski E. Ilu było w Rzeczypospolitej obywateli szlachty? // Kwartalnik Historyczny, R. XCIV. 1987. No. 3. S. 4.

⁴ Кабузан В.М., Троицкий С.М. Изменения в численности, удельном весе и размещении дворянства в России в 1782–1858 гг. // История СССР. М., 1971. №4. С. 158, 163, 164.

которые обрабатывала своими руками, платя в качестве ренты условленную денежную сумму («чинш»). Жившие в обособленных поселениях «околичные» шляхтичи также сами трудились на земле, которая принадлежала им на праве собственности. К «служебной» шляхте причисляли всех шляхтичей, служивших по найму в помещичьих имениях, — начиная от управителей имений и экономов и заканчивая камердинерами, поварами, конюхами и т.п.

С конца XVIII в. и вплоть до Великих реформ 1860-х – 1870-х гг. перед правящими кругами стояла проблема интеграции в общественно-административные структуры империи массы безземельных шляхтичей, составлявших нижние страты старопольского дворянства и обладавших самобытными культурными и политическими традициями. Хотя с падением Речи Посполитой старопольское шляхетство как правовой институт перестало существовать де-юре, его представители, включая и беспоместных, де-факто сохраняли в новых условиях свой высокий общественный статус и престиж.

В связи с этим главные исследовательские вопросы для настоящей работы могут быть сформулированы следующим образом: при помощи каких средств/институтов власть намеревалась интегрировать шляхту? Что определяло избрание того или иного средства?

Выбор мелкой шляхты как объекта имперской политики правомерен, поскольку с момента проведения общероссийской ревизии 1795 г., охватившей и вновь присоединенные территории, власти выделяли из бывшего привилегированного сословия Речи Посполитой особые социальные группы, не владевшие крепостными. Первоначально эти категории шляхты упоминаются в правительственных документах под наименованиями «чиншевая», «околичная» (заимствованные из польской традиции) и «неоседлая». Критериями для такого разделения было отношение шляхтичей к владению землей и род занятий.

Изучение правительственной политики по отношению к мелкой шляхте представляется важным по следующим причинам. Высокая численность привилегированного сословия Речи Посполитой сама по себе была беспрецедентным явлением для империи. Через 60 с лишним лет после разделов Польши, после череды «разборов» и постоянного отсеивания «недворянских» элементов министр юстиции Д.Н. Замятнин в представлении, сделанном в декабре 1863 г. Александру II, утверждал, что из 305 тысяч дворян, проживающих в 49 губерниях европейской России, на девять западных губерний приходится более 192 тысяч, т.е. почти две трети всего дворянства империи⁵.

Более серьезная проблема для власти заключалась в том, что мелкая шляхта приняла активное участие в польских восстаниях. С началом в 1831 г. вооруженных выступлений в Западном крае мелкая шляхта приобрела

⁵ Российский государственный исторический архив. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 24. Л. 93–93 об.

репутацию одной из самых опасных социальных групп в империи, потенциально угрожающей ее целостности.

Новизна исследования. В историографии, посвященной российскому господству на западных окраинах в конце XVIII–XIX вв., для обозначения правительственных мер в отношении местного населения достаточно часто используется термин «национальная политика», который, видимо, отражает исходную концепцию исследователей о неумолимости протекавшего на этих территориях процесса складывания соответствующих наций – субъектов истории.

Мой же тезис заключается в том, что политика империи в этом регионе в дореформенную эпоху носила во многом сословный характер. Государство определяло границы признаваемых сословий и стремилось ограничить правоспособность традиционных социальных групп, не получивших по разным причинам санкции на дальнейшее существование. Господствовавшее в административно-бюрократических кругах видение общества как состоявшего из сословий находило свое отражение во внутренней политике в том, что объектами правительственных мер становились отдельные социоправовые группы, «переформатируемые» (как в случае с мелкой шляхтой) государством с целью создания из них новых «сословий», отвечающих имперским нормам.

Настоящая работа посвящена изучению того, как представления правящей бюрократии об имперском социуме, разделенном на различные статусные группы, находили свое выражение в политической плоскости при формулировании мер правительства в отношении инокультурного сообщества людей, сделавшихся подданными Романовых. Исследование является первой в современной российской историографии работой, посвященной изучению государственной политики по отношению к мелкой шляхте белорусско-литовских и правобережно-украинских областей, которые находились в составе Российской империи. С учетом состояния современной историографии данная работа более полно вписывает проблематику беспоместной шляхты в контекст российской истории, показывая, что «шляхетская» политика во многом исходила из господствовавших в России представлений о характере и предназначении сословий в государстве.

Объектом исследования является правительственная политика по отношению к беспоместной (мелкой) шляхте западных губерний на протяжении 1795–1870 гг.

Предмет исследования – разработка и реализация мероприятий, направленных на регулирование социально-правового и экономического положения беспоместной шляхты.

Территориальные границы исследования очерчивают пространство «западных губерний» Российской империи. В дореволюционной административной практике Белостокская область, Виленская, Витебская, Волынская, Гродненская, Киевская, Ковенская, Минская, Могилевская и Подольская губернии в разное время обозначались как «польские», «от

Польши присоединенные», «от Польши возвращенные», «западные» губернии. В данной работе термин «западные» (или «польские») губернии используется в качестве конвенции для обозначения административно-территориальных единиц Российской империи, образованных из областей Речи Посполитой, присоединенных в результате ее разделов. Не менее часто для этого региона в историографии используют название «Западный край».

Цель и задачи исследования

Основной *целью* моего исследовательского проекта является изучение формирования и проведения политического курса правительства в отношении беспоместной шляхты западных губерний.

Задачи исследования заключаются в следующем:

- изучить процесс принятия решений правящими кругами в отношении мелкой шляхты;
- выяснить при каких обстоятельствах вопрос об общественно-правовом статусе шляхты появлялся в правительственной повестке дня;
- исследовать восприятие российскими администраторами образа шляхты, проследить его изменения;
- изучить проекты, разрабатывавшиеся правительством в первой трети XIX в., по преобразованию мелкой шляхты;
- установить характер мероприятий, которые обозначались общим наименованием «разбор» шляхты;
- исследовать процесс проектирования властями нового сословия западных однодворцев и граждан; определить основные характеристики этой административно-правовой категории;
- детально проанализировать содержание указа 19 октября 1831 г. и указов, его поясняющих;
- установить, какое значение правящая бюрократия вкладывала в понятие «сословие» как юридическую категорию; какие условия, с точки зрения чиновников, были необходимы для выполнения его членами своих функций в государстве.

Хронологические рамки: нижняя временная граница исследования совпадает с последним разделом польско-литовского государства, верхняя – задана ликвидацией административно-правовой категории однодворцев и граждан западных губерний.

Методология

Методологическую основу исследования составляют такие принципы исторической науки как историзм, объективность, системность и комплексность при отборе и критическом анализе исторических источников. При работе над диссертацией использовался также историко-юридический подход.

Историографический обзор

В российской дореволюционной историографии история старопольского дворянства Западного края находилась на периферии исследовательского внимания. Пожалуй, единственной работой, целиком посвященной этому предмету, было сочинение князя Н.К. Имеретинского. В серии статей, напечатанных в «Волынских губернских ведомостях» в 1867–1868 гг., а затем вышедших отдельной книгой⁶, Имеретинский представил исторический очерк высшего сословия Волынской губернии в контексте правительственной политики в этом крае. Несмотря на откровенно тенденциозный характер, этот труд сохраняет и поныне определенную ценность, поскольку основан на утраченных архивных материалах.

Среди дореволюционных исследований истории российского дворянства о польской шляхте упоминали в своих трудах А.В. Романович-Славатинский⁷ и М.Т. Яблочков⁸. Краткие сведения о мелкой шляхте содержатся в статье П.Н. Жуковича о населении вновь присоединенных территорий⁹. Внимание к однодворцам западных губерний ограничилось составлением кратких обзоров законодательства в отношении этой административно-правовой категории¹⁰.

Сюжеты, связанные с историей беспоместной шляхты и однодворцев, затрагивались в польскоязычной литературе конца XIX – начала XX вв. Т. Корзоном¹¹, Х. Мошчицким¹², Б. Винярским¹³ и др. Именно в этот период были в основном сформулированы те постулаты о репрессивном характере российской политики в отношении мелкой шляхты, которые в последующем стали развиваться историками.

В советский период исследователи касались вопросов истории польского дворянства в связи с изучением восстаний 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг.¹⁴ Сведения об однодворцах и мелкой шляхте содержатся в общих трудах по истории Польши и бывших советских республик¹⁵, а также в

⁶ *Имеретинский Н.К.* Дворянство Волынской губернии. Житомир, 1868. Эта книга была перепечатана с сокращениями в Журнале Министерства народного просвещения (далее – ЖМНП) – 1893. №8. С. 343–368; 1894. №4. С. 326–372.

⁷ *Романович-Славатинский А.В.* Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права. Киев, 1912. С. 96–97, 496–500.

⁸ *Яблочков М.Т.* История дворянского сословия в России. СПб., 1876. С. 506, 571, 622.

⁹ *Жукович П.Н.* Сословный состав населения Западной России в царствование Екатерины II // ЖМНП. 1915. №1. С. 76–109; №2. С. 257–321.

¹⁰ *Вешняков В.И.* Исторический обзор происхождения разных названий государственных крестьян // Журнал Министерства государственных имуществ. 1857. №12. С. 75–77.

¹¹ *Korzon T.* Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta (1764–1794). Kraków, 1882. Т. 1.

¹² *Mościcki H.* Dzieje porozbiorowe Litwy i Rusi. Т. 1–2. Wilno, 1910–1913; Idem. Pod berłem carów. Warszawa, 1924.

¹³ *Winiarski B.* Ustrój polityczny ziem polskich w XIX w. Poznań, 1923.

¹⁴ *Дьяков В.А., Зайцев В.М., Обушенкова Л.А.* Социальный состав участников польского восстания 1830–1831 гг. (по материалам западных губерний Российской империи) // Историко-социологические исследования. Москва, 1970; *Зайцев В.М.* Социально-сословный состав участников восстания 1863 г. (Опыт статистического анализа). М., 1973.

¹⁵ История Польши. Т. 1. М., 1954. С. 409–417; История Литовской ССР. Т. 2. Вильнюс, 1953. С. 430; История Белорусской ССР. Т. 1. Минск, 1954. С. 242–248; История Украинской ССР. Т. 1. Киев, 1967. С. 335–337.

работах, связанных с социально-экономической и политической историей¹⁶. В советской и российской историографии единственной специальной работой, посвященной интересующей проблематике, является обзорная статья В.И. Неупокоева¹⁷. Благодаря качественному анализу введенных исследователем в научный оборот источников и широте охвата материала эта работа и по сей день не утратила своего значения.

Изучение политики в отношении старопольских дворян, сделавшихся российскими подданными, получило новый импульс в 1985 г. с выходом книги французского слависта Д. Бовуа «Дворянин, крепостной и ревизор. Польское дворянство между самодержавием и украинскими массами (1831-1863 гг.)»¹⁸. Одна из глав этой работы посвящена рассмотрению исторической судьбы мелкой шляхты в правобережно-украинских губерниях. Автор осветил ряд важных проблем и сформулировал вопросы, которые и сейчас остаются актуальными для большинства исследователей, занимающихся историей шляхты XIX в. Бовуа подробно останавливается на двух наиболее важных для него темах: 1) «деклассировании» сотен тысяч мелких шляхтичей после восстания 1830–1831 гг., в результате чего эту часть польского сообщества на Правобережной Украине постигла «социально-культурная смерть»¹⁹, и 2) опровержении историографического мифа о массовой депортации беспоместной шляхты на Кавказ. Книга вызвала критику со стороны польских историков. Полемизируя с выводами Бовуа о «деклассировании» мелкой шляхты как следствии репрессивной политики, проводимой властями с 1831 г., И. Рыхликова раскрыла протекавший на протяжении XVIII в. процесс экономической деградации этой социальной группы, который был усугублен введением на присоединенных землях института подушной подати²⁰. Й. Сикорская-Кулеша²¹ оспаривала тезис о том, что Ноябрьское восстание оказало решающее влияние на разворот имперской политики. По ее мнению, жесткий курс в отношении мелкой шляхты готовился еще до 1830 г. В результате критики Д. Бовуа скорректировал свой первый тезис и в вышедшей в 2003 г. книге историю беспоместной шляхты первой трети XIX в. он рассматривает как период подготовки мер по ее «деклассированию»²². Работы Бовуа оказали большое

¹⁶ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. Т. 2. М., 1958. С. 65–66; Улащик Н.Н. Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии. М., 1965. С. 94–99; Конохова Т.А. Государственная деревня Литвы и реформа П.Д. Киселева. М., 1975. С. 41; Самбук С.М. Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX в. Минск, 1980.

¹⁷ Неупокоев В.И. Преобразование беспоместной шляхты в Литве в податное сословие однодворцев и граждан (вторая треть XIX в.) // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. Т. VI. М., 1974. С. 8–22.

¹⁸ Beauvois D. Le noble, le serf et le révizor. La noblesse polonaise entre le tsarisme et les masses ukrainiennes (1831–1863). Paris, 1985.

¹⁹ Такое название носит раздел главы, посвященный этому сюжету. См.: Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи: Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793 – 1914). М., 2011. С. 399–411.

²⁰ Rychlikowa I. Deklasacja drobnej szlachty polskiej w Cesarstwie Rosyjskim: Spór o «Pulapkę na szlachtę» Daniela Beauvois // Przegląd Historyczny. R. LXXIX. Z. 1. Warszawa, 1988. S. 121–147; Idem. Tatarzy litewscy 1764–1831 częścią szlacheckiego stanu? // Kwartalnik Historyczny. R. XCVII. Z. 3–4. Warszawa, 1990. S. 76–122.

²¹ Sikorska-Kulesza J. Deklasacja drobnej szlachty na Litwie i Białorusi w XIX wieku. Warszawa, 1995.

²² Beauvois D. Pouvoir russe et noblesse polonaise en Ukraine 1793-1830. P., 2003.

влияние на современную литературу о мелкой шляхте, а ряд его выводов прочно вошел в историографический канон нескольких стран.

Изучение истории нобилитета польско-литовского государства (в т.ч. мелкой шляхты), оказавшегося по итогам разделов в пределах Российской империи, занимает важное место в современной историографии Белоруссии, Литвы, Польши и Украины. А.А. Доморад²³, А.П. Житко²⁴, С.Л. Луговцова²⁵, В.С. Макаревич²⁶, Г.Н. Тумилович²⁷ и др. исследуют историю местного дворянства на территории современной Белоруссии, Т. Байрашаускайте²⁸ и др. – Литвы. Л.Н. Казначеева²⁹, А.И. Козий³⁰, И.И. Кривошея³¹, С.А. Лысенко³², В. Свербигуз³³, Е.А. Чернецкий³⁴ и др. изучают проблематику Речь-Посполитского дворянства XIX в. на материалах исторических регионов современной Украины. Историки достигли значительных успехов в сборе, систематизации данных, введении в научный оборот новых источников. Однако в отношении ряда тезисов, которые становятся аксиомами в складывающейся концепции истории мелкой шляхты на территории Российской империи, можно сделать ряд замечаний. Общей чертой для большинства историков является контекстуализация сюжетов о шляхте исключительно в рамках истории «своего» национального государства. Как следствие, в историографических обзорах нечасто встречаются ссылки на исследования о шляхте, проживавшей на «чужих» территориях.

Необходимо также указать на присутствие в исследованиях нескольких важных моментов, которые вызывают вопросы. Так же, как Д. Бовуа ряд историков – С. Лысенко, И. Рыхликова, Й. Сикорская-Кулеша, Г. Тумилович

²³ *Дамарад А.А.* Урадавыя мерапрыемства па скарачэнні колькасці шляхты ў Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. // Труды БГТУ. 2012. №5. История, философия, филология. С. 19–22.

²⁴ *Житко А.П.* Дваранства Беларусі перыяду капіталізму. 1861–1914 гг. Мінск, 2003.

²⁵ *Луговцова С.Л.* Политика российского самодержавия по отношению к дворянству Беларуси в конце XVIII – первой половине XIX вв. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Минск, 1999.

²⁶ *Макаревич В.С.* Дробная шляхта Беларусі ў 30 - 60-я гг. XIX ст.: Склад і эвалюцыя сацыяльна-прававога становішча. Аўтарэф. дисс. ... канд. гіст. навук. Мінск, 2009.

²⁷ *Тумилович Г.Н.* Дворянство Белоруссии в конце XVIII – первой половине XIX в. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Минск, 1995.

²⁸ *Vairšauskaitė T.* Lietuvos bajorų savivalda XIX a. pirmojoje pusėje, Vilnius, 2003; Idem. Lietuvos bajorų luomo deklasacijos procesas: kilmės įrodymai (XVIII a. pab. – XIX a. 7 dešimtmis)/ Lietuvos istorijos metraštis, 2001–202, Vilnius, 2002. P. 87–112.

²⁹ *Казначеева Л.М.* Волинське дворянське зібрання (1796-1917): функції, структура, участь у системі органів влади. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Київ, 2008.

³⁰ *Козий О.І.* Становище польської шляхти на Поділлі в період між повстаннями 1830–1831 і 1863 років. Дисс. ... канд. ист. наук. Львів, 1997.

³¹ *Кривошея І.І.* Еволюція дворянства Правобережної України наприкінці XVIII – початку XX ст. (за матеріалами Київської губернії). Дисс. ... канд. ист. наук. Умань, 1997.

³² *Лысенко С.* Декласация мелкой шляхты Правобережной Украины в XIX в. На примере нескольких генеалогических линий рода Незабитовских // *Маузолато К.* (ред). Социальная трансформация и межэтнические отношения на Правобережной Украине: 19 – начало 20 вв. М., Саппоро, 2005. С. 30–60.

³³ *Свербигуз В.* Старосвітське панство. Варшава, 1999.

³⁴ *Чернецкий С.* Формування і соціальне структурування шляхти Радомишльського повіту Київської губернії в кінці XVIII – першій третині XX ст.: генеалогічний та історико-демографічний аналіз. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Київ, 2010.

и др. – называют «деклассированием»³⁵ начавшийся в 1831 г. процесс перевода шляхтичей, не имевших подтверждения своего статуса от дворянских собраний, в сословие западных однодворцев и граждан. Однако отсутствие в их работах четкой дефиниции этого понятия не позволяет определить, следует ли его понимать в экономическом, социальном или же правовом смысле. Как представляется, такое некритическое заимствование затрудняет анализ рассматриваемых историками событий.

Более важным недостатком большинства исследований является телеологический характер прочтения имперской политики в Западном крае. Историки приписывают российским властям такие первоначальные цели, которые появлялись только позднее, спустя даже десятилетия после рассматриваемых отрезков времени. Оформившийся после 1830 г. деполонизаторский курс проецируется на все предшествовавшие десятилетия. Так, Д. Бовуа, Й. Сикорская-Кулеша, Л. Заштовт³⁶, Г. Тумилович³⁷ считают, что центральные власти стремились к сокращению количества шляхты непосредственно с момента присоединения «восточных кресов» к Российской империи. А в планах переселения шляхтичей на свободные земли юга империи на рубеже XVIII и XIX вв. Д. Бовуа видит предвестие сталинских депортаций народов 1930-х годов³⁸.

Помимо штудий о старопольском дворянстве в империи, для настоящей работы высокую значимость имеют исследования, освещающие различные направления правительственной политики на бывших польских территориях. В этом ряду стоят работы, посвященные как общим вопросам управления Западным краем, так и исследования политики в отношении отдельных этнических групп, конфессиональных сообществ, административных территорий. В книгах Э. Тадена³⁹ и А. Каппелера⁴⁰ рассматриваются общие принципы управления пограничными регионами империи. Исследованные в работах Л.Е. Горизонтова⁴¹, М.Д. Долбилова⁴², Дж. Клиера⁴³, А.И. Миллера⁴⁴, Д. Сталюнаса⁴⁵, М. Станиславски⁴⁶, Т. Уикса⁴⁷ проблемы

³⁵ Фр. – déclassement, поль. – deklasacja, бел. – дэкласацыя, укр. – декласация. Некоторые авторы используют в своих русскоязычных публикациях термин «деклассация».

³⁶ Zasztowt L. Koniec przywilejów – degradacja drobnej szlachty polskiej na Litwie historycznej i Prawobrzeżnej Ukrainie w latach 1831-1868 // Przegląd Wschodni. 1991. T. 1. Z. 3. S. 615-640.

³⁷ Туміловіч Г. Расійскі царызм і шляхта Беларусі (1795–1863) // Беларускі гістарычны агляд. Т. 17. Сшыткі 1–2 (32–33). Снежаны, 2010. С. 125–154.

³⁸ Бовуа Д. Гордиев узел. С. 94–95.

³⁹ Thaden E. Russia's Western Borderlands, 1710-1870. Princeton, 1984.

⁴⁰ Kappeler A. Russland als Vielvölkerreich: Entstehung-Geschichte-Zerfall. München, 1992.

⁴¹ Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польшу (XIX – начало XX в.). М., 1999.

⁴² Долбилов М.Д. Русский край: чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010.

⁴³ Klier J.D. Russia Gathers Her Jews: The Origins of the “Jewish Question” in Russia; 1772-1825. DeKalb, 1986.

⁴⁴ Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000.

⁴⁵ Staliūnas D. Making Russians: Meaning and Practice of Russification in Lithuania and Belarus after 1863. Amsterdam, 2007.

⁴⁶ Stanislawski M. Tsar Nicholas I and the Jews: The Transformation of Jewish Society in Russia, 1825-1855. Philadelphia, 1983.

хотя и не связаны с сословной проблематикой, однако проливают свет на различные аспекты выработки и реализации имперской политики в данном регионе. Одним из важнейших результатов исследований имперской политики на западных окраинах является тезис об отсутствии у самодержавия последовательной линии в отношении различных этнических групп, а также продуманной системы русификации.

Большинство историков, занимающихся отдельными аспектами имперской политики в западном регионе, концентрируются на пореформенной эпохе, точка отсчета которой почти совпадает с Январским восстанием (1863–1864 гг.). Используя этнические и/или конфессиональные категории для концептуализации объекта исследования, большинство авторов не уделяет достаточного внимания категории «сословия», которая служила организующим началом для репрезентации и управления имперским социумом в дореформенное время.

Подводя итог, следует сказать, что вопросы истории мелкой шляхты Западного края актуальны для современной историографии Российской империи. За последние 30 лет историками подробно освещены важные аспекты правительственной политики в отношении шляхты, однако ряд проблемных вопросов нуждается в дальнейшей разработке. Более значимым является то обстоятельство, что в историографии отсутствуют работы, рассматривающие историю беспоместной шляхты в ракурсе сословной политики имперской России.

Источниковая база исследования

Настоящая работа основывается в значительной степени на неопубликованных документах высших, центральных и местных органов управления Российской империи, находящихся в государственных архивах России и Украины. Наиболее важные источники, проливающие свет на формирование правительственной политики в отношении безземельной шляхты, сосредоточены в Российском государственном историческом архиве (далее – РГИА). Для данного исследования среди документов официального делопроизводства по своему значению выделяются журналы особых комитетов и комиссий разного уровня, докладные записки, подготовленные в департаментах министерств, «представления» министров в высшие органы управления, «всепопданнейшие» рапорты генерал-губернаторов, годовые отчеты губернаторов.

В первой трети XIX в. общие вопросы о беспоместной шляхте находились в ведении 1-го департамента Сената, некоторые же частные вопросы решал его 3-й департамент, являвшийся высшей апелляционной инстанцией для судов западных губерний. В хранящихся в РГИА фондах этих департаментов (Ф. 1341, 1347) имеются дела о проведении «разборов» шляхты в 1800–1829 гг., о рассмотрении различных проектов

⁴⁷ Weeks T.R. Nation and State in Late Imperial Russia: Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863-1914. DeKalb, 1996.

реформирования сословия шляхты, о планах переселения безземельных шляхтичей в другие губернии. Наиболее важные из подобных проектов обсуждались в 1807–1809 гг. в Непременном совете, материалы которого находятся в одноименном фонде (Ф. 1147) и в фонде Первого отделения императорской канцелярии (Ф. 1409).

В 1829 г. по указу Николая I для окончательного решения вопроса об оформлении юридического статуса мелкой шляхты была сформирована комиссия «для составления положения о шляхте, в присоединенных от Польши губерниях находящейся». В ходе своей работы в 1829–1830 гг. комиссия собрала обширные сведения о шляхте и подготовила подробный обзор законодательства, регулировавшего права этого сословия. Хранящиеся в фонде Департамента полиции исполнительной МВД (Ф. 1286) документы комиссии – переписка с разными ведомствами и Сенатом, донесения губернаторов, справки, журналы и проект «Положения о шляхте», обсуждение которого тянулось в министерствах вплоть до Ноябрьского восстания 1830–1831 гг., являются своеобразным итогом правительственной политики первой трети XIX в. и позволяют оценить уровень накопленных властями знаний о шляхте.

После восстания 1830–1831 гг. были созданы новые институты управления Западным краем. В 1831 г. был образован Комитет по делам западных губерний (далее – КЗГ), возглавленный председателем Комитета министров и включавший всех ключевых министров. Вплоть до закрытия в начале 1848 г. в КЗГ рассматривалось и решалось большинство вопросов, связанных с беспоместной шляхтой. Журналы комитета и приложения к нему, а также резолюции Николая I являются ценными источниками, которые позволяют уяснить представления высших сановников о сословном устройстве империи, проанализировать подходы, практиковавшиеся при формировании политического курса на западных окраинах. Разработка контуров вновь образуемого сословия граждан и однодворцев западных губерний и подготовка «именного» указа 19 октября 1831 г. о создании сословия западных однодворцев подробно отражены в материалах комитета (Ф. 1266). Источниками для изучения реализации этого указа служат документы министерств финансов⁴⁸, внутренних дел⁴⁹ и юстиции⁵⁰.

В центральных и региональных архивах Белоруссии, Литвы и Украины хранятся материалы, позволяющие детально изучить процесс исполнения на местах законодательных инициатив имперского центра, реконструировать взаимоотношения различных акторов. В этих целях были использованы главным образом сведения из фондов канцелярии Киевского военного, подольского и волынского гражданского генерал-губернатора⁵¹ и Подольского губернского правления⁵².

⁴⁸ РГИА. Ф. 561 (Департамент разных податей и сборов).

⁴⁹ РГИА. Ф. 1284 (Департамент общих дел).

⁵⁰ РГИА. Ф. 1405 (Департамент Министерства юстиции).

⁵¹ Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киев. Ф. 442.

⁵² Государственный архив Хмельницкой области. Ф. 127.

С образованием в 1837 г. Министерства государственных имуществ (далее – МГИ) заведование сословием однодворцев было возложено на это ведомство. В архивных фондах РГИА, относящихся к этому министерству⁵³ и Пятому отделению императорской канцелярии⁵⁴, хранится более сотни дел, посвященных текущему администрированию, разработке планов по земельному обеспечению и переселению однодворцев.

Благодаря развернувшейся в 1840-х гг. межведомственной борьбе между МГИ и МВД в отношении преобразования управления однодворцами, активизировался сбор сведений о беспоместной шляхте и обмен мнениями между генерал-губернаторами и центральными властями по вопросу о материальном обеспечении однодворцев. Образовавшиеся в ходе обсуждений документальные источники позволяют оценить действенность мероприятий властей по созданию нового сословия. С закрытием КЗГ координирование вопросов, связанных с администрированием однодворцев и беспоместной шляхты, перешло к Комитету министров (РГИА. Ф. 1263).

После реформы 19 февраля 1861 г. и Январского восстания 1863 г. в политической повестке дня, касающейся однодворцев и «бывшей польской шляхты», появляются вопросы ликвидации этих сословных категорий и административного включения их в состав «обществ сельских и городских обывателей». Решения этих важнейших, а также сопутствующих вопросов, таких как землеустройство мелкой шляхты, разрабатывались в Главном комитете об устройстве сельского состояния (Ф. 1181), Западном комитете (Ф. 1267), Земском отделе МВД (Ф. 1291) и МГИ (Ф. 385).

Практическая значимость исследования

Материалы и выводы настоящей работы могут быть использованы для написания статей и монографий, разработки учебных курсов и пособий по истории Белоруссии, Литвы, Украины, по истории сословного строя российского государства, по проблемам правительственной политики в западных пограничных областях Российской империи.

Основные результаты исследования и положения, выносимые на защиту

На защиту выносятся следующие сформулированные в ходе исследования выводы и положения:

– Правовой институт шляхетства с исчезновением польско-литовского государства де-юре прекратил свое существование. Однако, став подданными российских монархов, представители старопольского нобилитета, включая и безземельную шляхту, де-факто сохранили статус высшего сословия. Указами 1795 и 1800 гг. шляхтичи должны были подтвердить свою принадлежность к дворянству на основании российских

⁵³ РГИА. Ф. 381 (Канцелярия; Совет министра госимуществ); Там же. Ф. 384 (Второй департамент государственных имуществ).

⁵⁴ РГИА. Ф. 1589.

законов (норм Жалованной грамоты дворянству 1785 г.). До 1831 г. для пользования дворянскими правами в полном объеме было достаточно быть признанным в дворянстве депутатским собранием, состоящем из уездных депутатов во главе с губернским предводителем дворянства.

– В 1800-е гг. в правящих кругах рассматривались две модели включения шляхты в социальную структуру империи: 1) кооптация целой группы путем законодательного признания ее привилегированного статуса; 2) интеграция в ряды российского дворянства каждого шляхтича в индивидуальном порядке (в случае представления доказательств, соответствующих требованиям имперского законодательства). В итоге, предпочтение было отдано второй модели, по которой принадлежность к дворянству должна была регулироваться исключительно российскими законами.

– Мероприятия первой трети XIX в. по «разбору» шляхты проистекали из идей «полицейского государства» – убежденности бюрократии в необходимости упорядочения и регламентации социального пространства. До 1831 г. власти не стремились к сокращению численности мелкой шляхты. Цель начатого в 1816 г. «разбора» заключалась в фиксации численности «настоящих» шляхтичей путем перерегистрации тех, кто был записан в число шляхты сразу же после включения польских территорий в состав империи. Таким способом власти пытались ограничить «несанкционированный» рост количества шляхты за счет «самозванцев». Только после того, как в конце 1830-х – 1840-х гг. в результате пересмотра резолюций о признании в дворянстве, принятых депутатскими собраниями, сотни тысяч шляхтичей были исключены из дворянства можно говорить о понижении их в правовом статусе. В 1826–1830 гг. для шляхтичей без доказательств дворянства предусматривались худшие меры (запись в крестьяне, мещане или добровольно-принудительная служба), чем после Ноябрьского восстания, когда для этой категории было создано сословие однодворцев и граждан западных губерний.

– На протяжении всего рассматриваемого периода в высших правительственных кругах при обсуждении шляхетского вопроса всегда существовало несколько точек зрения, которые можно условно сгруппировать как: 1) умеренные, направленные на сохранение или осторожное изменение статуса мелкой шляхты, и 2) радикальные, нацеленные на существенное ограничение прав или ликвидацию ее привилегированного положения. В 1800 г. их выражали соответственно 3-й и 1-й департаменты Сената; в 1807–1809 гг. – большинство членов Еврейского комитета, с одной стороны, и генералы А.А. Аракчеев и М.М. Философов, с другой; во второй половине 1820-х гг. Сенат единогласно поддержал план министра финансов Е.Ф. Канкрин, отклонив, таким образом, проект генерал-губернатора Н.Н. Хованского, который был одобрен министром внутренних дел В.С. Ланским; в 1831 г. Комитет западных губерний противостоял гродненскому губернатору М.Н. Муравьеву, пользовавшемуся поддержкой Николая I; для 1840-х гг. эту оппозицию мнений представляли министр госимуществ П.Д. Киселев и киевский генерал-губернатор

Д.Г. Бибииков; после 1863 г. – виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев и министр внутренних дел П.А. Валуев.

– Сословная концептуализация социума лежала в основе правительственных проектов по преобразованию шляхетской массы, а также мер в отношении лиц, не включенных в сословие однодворцев и граждан западных губерний. Использование властью института сословия носило инструментальный характер и служило способом объективации адресатов правительственных мер. В случае с однодворцами и гражданами «сословие» представляло собой административно-фискальную категорию, искусственно созданную государством для не признанных Герольдией в дворянстве шляхтичей, которые принадлежали к разным социально-экономическим группам. С изданием в 1832 г. IX-го тома Свода законов «О состояниях» в Российской империи была законодательно оформлена четырехчастная модель организации общества, включавшая четыре «состояния» (группы населения, положение которых в общественной иерархии определялось правовым статусом) – дворян, духовенство, городских и сельских обывателей. Поскольку центральная власть перестала молчаливо признавать за мелкими шляхтичами де-факто дворянский статус, в сословной иерархии империи для тех из них, кто не мог доказать дворянства в Герольдии, оставалось лишь место в широкой категории сельских и городских обывателей.

– Весомым фактором, влиявшим на формирование и проведение политики, являлся ведомственный сепаратизм, наиболее ярко проявившийся в разделении между двумя министерствами управления однодворцами в 1840-х гг. Это обстоятельство сказалось на реализации поставленной властями задачи по «слиянию» шляхтичей с крестьянской массой. Вхождение живших на казенных землях однодворцев в состав обществ государственных крестьян и подчинение их сельской администрации создало благоприятные условия для их культурной ассимиляции в крестьянской среде.

Апробация результатов исследования

Отдельные части работы обсуждались в департаменте истории НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург и на диссертационных семинарах факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге. Основные положения работы были представлены в течение 2015–2017 гг. на шести российских и международных научных мероприятиях. По теме диссертации опубликованы и находятся в печати публикации общим объемом 4,75 п.л.

Структура и краткое содержание исследования

Исследование состоит из введения, четырех глав, заключения, списка источников и литературы, списка сокращений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *введении* обоснованы актуальность темы, научная новизна и практическая значимость, определены объект, предмет, цель и задачи исследования, содержится историографический анализ и обзор источников.

В *первой главе* – «Проблема определения социально-правового статуса мелкой шляхты и проекты по ее интеграции в конце XVIII – первой трети XIX в.» – анализируются формировавшиеся в правящих «верхах» подходы к решению вопроса о статусе шляхты и способах ее включения в общественно-административные структуры империи. Высокая численность шляхетского сословия в западных областях во многом определила осторожное отношение властей к этой социальной группе, которая чувствительно воспринимала любые изменения своего правового положения. Во время правления Павла I и Александра I правительство придерживалось в отношении старопольского дворянства политики статус-кво. До восстания 1830–1831 гг. в Западном крае существовала многочисленная региональная элита, пользовавшаяся привилегиями дворянства империи без получения формального признания своего статуса со стороны Герольдии.

На протяжении 1800–1820-х годов главными направлениями политики Петербурга в отношении беспоместной шляхты были мероприятия по «разбору» – определение того, кто из шляхтичей является «настоящим» дворянином, а кто – «самозванцем», и периодически возникающие проекты ее преобразования в новое, «полезное» для государства сословие. В правящих кругах преобладала идея формирования из шляхты полков легкой кавалерии и предоставления ей в пользование казенных земель за умеренную плату. В качестве свободного населения она представлялась властям удобным ресурсом для проведения колонизации причерноморских территорий.

В 1800 г. 1-й и 3-й департаменты Сената, в которые независимо друг от друга поступили дела, связанные с определением фискального статуса мелкой шляхты, приняли противоречащие одно другому решения. Утверждение императором доклада 3-го департамента Сената, согласно которому вся шляхта *in corpore* сохраняла свои старые привилегии (в т.ч. фискальный иммунитет), могло положить начало институализации шляхты в качестве особого сословия империи с привилегированным статусом. Решение же 1-го департамента, которым от шляхты были потребованы письменные доказательства ее «благородного» происхождения, фактически обозначало, что определенная часть высших сановников не признает особого статуса мелкой шляхты. По сути, решения департаментов Сената предполагали разные модели включения шляхты в социоправовую структуру империи: либо кооптацию целой группы путем законодательного признания ее привилегированного статуса, либо интеграцию в ряды российского дворянства каждого шляхтича в индивидуальном порядке. Предпочтение было отдано второй модели.

В 1805 г. вопрос об определении статуса шляхты был передан в Еврейский комитет, который подготовил проект единой шляхты в состав российского дворянства. Мотивами для такого сценария были как внешнеполитические факторы, так и планы общественно-политических преобразований, обсуждавшиеся в «Негласном» комитете. В.П. Кочубей, Н.Н. Новосильцов, А.А. Чарторыйский, входившие в состав обоих комитетов, намеревались при решении шляхетского вопроса воплотить желание императора о распространении привилегий на другие сословия. Тем не менее из-за позиции А.А. Аракчеева этот проект в 1808 г. не был принят Государственным советом.

С восшествием на престол Николая I разработка проектов по административно-правовой интеграции мелкой шляхты была ускорена. Обсуждавшаяся в середине 1820-х гг. идея возложить на шляхту рекрутскую повинность не была поддержана Сенатом, который отдал предпочтение умеренной и осторожной программе министра финансов Е.Ф. Канкрин. Учрежденная в июне 1829 г. по распоряжению царя комиссия из министерских чиновников среднего звена к концу года разработала проект «Положения о шляхте», которым регламентировалось ее социально-правовое положение. Смысл «Положения» заключался в институализации мелкой шляхты как особого полупривилегированного сословия в Западном крае. Главной целью проекта было создание условий для выполнения всеми достигшими совершеннолетия шляхтичами воинской повинности. Для этого разрабатывалась особая система их призыва на 8-летнюю службу в кавалерийских полках. Фискальный интерес для властей оставался на заднем плане.

Во *второй главе* «Разборы» шляхты и вопрос доверия властей дворянским депутатским собраниям западных губерний» исследуются механизмы включения и отсева шляхтичей-соискателей дворянства и связанный с этим вопрос об автономии дворянских сословных корпораций в области регулирования своего членства.

Первые два раздела главы посвящены выяснению характера проводимых на местах мероприятий, которые обозначались властями как «разбор» шляхты и под этим наименованием вошли в историографию. С появлением сенатского указа от 25 сентября 1800 г., предписывавшего «чиншевой, околичной и другого звания» шляхте представить доказательства о своем «благородном» происхождении, начинается массовая подача документов в дворянские депутатские собрания, которые при их рассмотрении должны были руководствоваться нормами Жалованной грамоты дворянству 1785 г. (далее – ЖГД). Тем не менее при вынесении резолюций о признании в дворянстве депутаты собраний «польских» губерний помимо ЖГД ориентировались и на нормы доказывания дворянства, предусмотренные Литовским статутом и сеймовыми конституциями. В итоге подавляющее большинство соискателей в течение 1800–1810-х гг. были признаны депутатскими собраниями в дворянском достоинстве.

Пока вопрос о дворянском статусе старопольского нобилитета не выходил за пределы бывших областей Речи Посполитой, центральные власти не обращали особого внимания на несоблюдение депутатами правил ЖГД по признанию в дворянстве. Но как только эти нарушения стали напрямую затрагивать такой ключевой общеимперский институт как комплектование офицерскими кадрами армии, подход быстро изменился. В 1820 г. по инициативе военного ведомства были ужесточены требования к содержанию свидетельств, представляемых молодыми дворянами при поступлении на службу. Очевидно, эта мера была вызвана опасениями конкуренции за офицерские должности со стороны шляхтичей, многих из которых подозревали в узурпации дворянства. Кроме этого, сведения о доказательствах дворянства недорослей стали отсылаться в Герольдию, которая вскоре аннулировала несколько резолюций о признании в дворянстве, принятых собраниями «польских» губерний. Вмешательство Герольдии ставило под вопрос предоставленное депутатским собраниям право самостоятельно определять членство в своих корпорациях. Автономию дворянского самоуправления безуспешно пытались отстоять губернские «маршалы» (предводители дворянства), ходатайствовавшие об оставлении прежнего порядка приема недорослей на службу.

Проблема определения сословного статуса малоимущей шляхты оказалась тесно связанной с желанием Николая I навести порядок в господствующем сословии империи, исключив из него «недворянские» элементы. Для этих целей в 1828 г. при Сенате был учрежден особый комитет «для начертания правил о производстве ревизии действий дворянских депутатских собраний и положительного определения дворянских родов». Утвержденные уже после подавления Ноябрьского восстания «правила» интерпретировали нормы ЖГД в узком, ограничительном смысле и являлись своего рода руководством к исправлению пробелов и погрешностей ЖГД, которые чиновники сочли нужным сделать на основе опыта Герольдии по рассмотрению дворянских доказательств.

На основе утвержденных в 1834 г. «правил» началась ревизия деятельности дворянских депутатских собраний в масштабе всей империи (за исключением Закавказья). Созданные в губерниях во второй половине 1830-х гг. ревизские комиссии были сформированы из местных дворян, которые в основном подтверждали резолюции собраний о признании в дворянстве. Комиссии фактически саботировали программу властей по исключению из дворянства шляхтичей, имевших слабые доказательства своего «благородного» происхождения. Для проверки доказательств этих дворян в Киеве в 1840–1844 гг. и в Вильне в 1843–1846 гг. действовали центральные ревизионные комиссии, которые признали неправильно внесенными в дворянские родословные книги свыше 157 тыс. лиц.

Третья глава исследования «Формирование сословия однодворцев западных губерний. 1831 – 1840-е гг.» посвящена рассмотрению обстоятельств появления «высочайшего» указа 19 октября 1831 г. и его

реализации. Восстание 1830–1831 гг. перечеркнуло планы самодержавия по созданию из беспоместной шляхты особого полупривилегированного сословия, сохранявшего свое традиционное самоназвание. В 1831 г. был взят целенаправленный курс на деполонизацию западных губерний, что сразу же сказалось на судьбе речьсполитского дворянства. 19 октября 1831 г. Николай I подписал указ о создании нового сословия однодворцев и граждан западных губерний. Целью указа была административно-правовая ликвидация шляхты как бывшего привилегированного сословия Речи Посполитой, пользовавшегося де-факто правами дворянства Российской империи.

Если до ноября 1830 г. в шляхетском вопросе для имперских властей главной была сословно-правовая сторона дела, то с началом польского восстания он приобрел отчетливо политический характер. Это и предопределило появление программы ограничительных в отношении шляхты мер, санкционированных октябрьским указом. Принципиально другую степень значимости, которую приобрел для верховной власти этот вопрос, демонстрирует тот факт, что проект указа был подготовлен в Комитете по делам западных губерний – высшем правительственном органе, специально созданном для разработки законодательства и формирования политики империи в Западном крае.

Принципиальным вопросом, который встал на первых же заседаниях КЗГ, был выбор между двумя основными вариантами перевода не доказавшей дворянства шляхты в непривилегированные категории населения. Предстояло решить, будет ли она реорганизована таким образом, чтобы составить отдельное сословие, или же ее члены будут по отдельности причислены к обществам уже существующих податных сословий. Комитет поддержал министра финансов Е.Ф. Канкрин, который предложил осуществить перевод шляхты в «свободные обыватели» путем объединения ее во вновь создаваемые общества, т.е. учредить отдельную административно-правовую категорию населения («сословие»). Губернатор же М.Н. Муравьев, взгляды которого в отношении Западного края разделял Николай I, выступал за форсированную приписку шляхты к уже существующим обществам мещан и крестьян, а также за принудительное переселение «неоседлых» (т.е. не имевших земли и занимавшихся, как правило, частной службой) шляхтичей на кавказскую пограничную линию. В споре Муравьева и Комитета оппоненты исходили из одной и той же установки, ставшей уже частью бюрократического видения сословного устройства империи. В ее основе лежало убеждение в том, что непривилегированные слои населения должны быть объединены в общества на основе круговой поруки.

Смысл октябрьского указа 1831 г., исключавшего из официального пространства власти в западных губерниях употребление слова «шляхта» и его производных, заключался в дистанцировании российского самодержавия от высшего сословия польско-литовского государства. Власти выдвинули перед шляхтой требование, в соответствии с которым ее будущее

социоправовое положение ограничивалось лишь двумя вариантами, – либо получением статуса дворян империи (при условии утверждения их в дворянстве Герольдией), либо записью в однодворцы или другие податные сословия.

Главными обязанностями однодворцев и граждан становились уплата «подымного сбора на содержание войск» и воинская служба. Особый статус мелкой шляхты в несении повинностей подчеркивался двумя обстоятельствами, отличавшими ее от прочих податных групп. Во-первых, для шляхты вводился особый налог, и она была освобождена от уплаты подушной подати, которой маркировались податные, непривилегированные сословия. Во-вторых, при выполнении воинской повинности шляхтичи должны были служить 15 лет.

Поспешность авторов указа 19 октября 1831 г., подстегиваемых самодержцем, отразилась на его юридической проработке и стала причиной неясности некоторых его статей. Как следствие этого, указ стал открытым для различных толкований, в которые как имперская администрация, так и элита западных окраин вкладывали такой смысл, который наиболее соответствовал их интересам.

Неоднозначность некоторых норм октябрьского указа была отражением противоречий между сторонниками умеренных и жестких мер в высших эшелонах власти. Вместе с тем двусмысленность формулировок не только позволила старопольскому дворянству интерпретировать закон в свою пользу, но и привела к продолжению борьбы в «верхах». В итоге возобладала точка зрения умеренных и предложения о применении к шляхте «решительных» мер были отвергнуты.

Возникающие в ходе «разбора» сложности и противоречащие друг другу распоряжения местных властей заставляли правительство идти на уступки шляхте. Если первоначальным объектом переписи была определена безземельная и малоземельная шляхта, которую правительство не считало дворянами, то в ходе «разбора» высшие сановники империи должны были перестроить свое восприятие мелкой шляхты уже в категориях дворянства.

По итогам «разбора» 1831–1834 гг. в новые сословия однодворцев и граждан поступило около 40% всего количества мелкой шляхты края. Учитывая первоначальный замысел имперского центра, такой результат можно считать успешным только с большими оговорками. Указ 19 октября не решил поставленной верховной властью задачи включения всех безземельных шляхтичей во вновь созданное сословие западных однодворцев.

В *четвертой главе* «Однодворцы западных губерний и «бывшая польская шляхта» во второй половине 1830-х – 1870 годах» раскрывается процесс поиска вектора политики в отношении шляхты, который суммировал бы споры и противоречия в правящих кругах вокруг мер, направленных на ассимиляцию мелкой шляхты в крестьянской и мещанской средах.

В первом параграфе рассматриваются сюжеты, связанные с межведомственной борьбой в вопросе управления однодворцами. В 1834 г.

Николай I утвердил «в виде опыта» на три года подготовленные Министерством финансов «Положения», которые регламентировали устройство однодворческих обществ. Для управления однодворцами была использована модель организации заведования казенными крестьянами. «Положения» совершенно не учитывали специфику хозяйственного уклада мелкой шляхты и характера ее дисперсного расселения. Нежизнеспособность общинной модели для администрирования мелкой шляхтой очень скоро проявилась в низком сборе налогов и проблемах при наборе рекрут. В ходе обсуждения предложений по корректировке механизма управления однодворцами обнаружились противоречия в среде правящей бюрократии. Их главной причиной было нежелание ведомств брать на себя ответственность за проблемную социальную группу, уклонявшуюся от платежа податей и рекрутской повинности.

Межведомственное противостояние шло на нескольких уровнях. Основная линия напряжения пролегла между киевским генерал-губернатором Д.Г. Бибиковым и министром государственных имуществ П.Д. Киселевым. Для обоснования своих позиций в вопросе о разделении между ведомствами управления однодворцами и Киселев, и Бибиков брали на вооружение более весомые аргументы, чем указание на хозяйственно-административную целесообразность. Стремясь убедить Николая I в своей правоте, и министр, и генерал-губернатор акцентировали политическую подоплеку дела. Хотя сановники и использовали одинаковую риторику «слияния» (ассимиляции однодворцев в среде податного сельского населения), однако при этом оба преследовали узковедомственные цели.

Второй параграф содержит анализ дискуссии, развернувшейся в 1864 г. как на местном уровне, так и в правительственных «верхах» по вопросу о мерах по приписке к крестьянам и мещанам шляхтичей, еще не утвержденных в дворянстве Герольдией (т.н. дворян 2-го разряда). Включение мелкой шляхты в податные сословия должно было подорвать ее авторитет в глазах населения. Не менее желаемым для властей эффектом от этой меры должна была стать будущая ассимиляция шляхты в сельской массе, приписка к которой виделась лишь первым необходимым условием для этого процесса.

Указ 23 сентября 1864 г. предписывал до 1 января 1865 г. всех доказывающих дворянство шляхтичей перевести в податное состояние. Известие о том, что их большинство желает быть записанными в мещане, вызвало недовольство главы Северо-западного края М.Н. Муравьева. Он посчитал политически опасным увеличивать городское население за счет «польского элемента». В феврале 1865 г. Муравьев учредил в Вильне особую комиссию с поручением ей выработать правила для приписки исключенных дворян. Вокруг вопроса о «распределении» шляхты среди податных сословий развернулась дискуссия, вскрывшая различия во взглядах бюрократов на перспективы ассимиляции «польского элемента» в простонародной среде. В Петербурге муравьевский план принудительного включения шляхтичей в крестьянские общества не получил одобрения. Противник генерал-

губернатора – министр внутренних дел П.А. Валуев – сумел предложить более приемлемый для высшей бюрократии вариант, который отходил от директивного принципа регистрации. Это решение так же, как и постановление от 23 сентября 1864 г., отразило новую тенденцию перехода имперских властей от сугубо принудительных мер к ограниченному, но рассчитанному на побуждение шляхты следовать своим личным выгодам.

В последнем параграфе главы рассматривается процесс вызревания в правящих кругах решения о юридическом упразднении категории однодворцев. В первые годы царствования Александра II на фоне нового курса по сближению с польскоязычной элитой Западного края некоторые местные администраторы стали смотреть на мелкую шляхту в более благоприятном свете. На рубеже 1850-х и 1860-х гг. в ходе подготовки аграрно-крестьянской реформы возникают проекты по распространению выкупной операции и на однодворцев, арендовавших землю у помещиков. Однако после подавления восстания 1863–1864 гг. имперские власти возобновляют проведение антишляхетского курса. Посчитав однодворцев «чисто польским», вредным в политическом отношении «элементом», укрепление которого в крае будет препятствовать политике русификации, Государственный совет в 1867 г. согласился с мнением МВД о нецелесообразности предоставления однодворцам права выкупа земли у помещиков.

Несмотря на появившиеся в конце 1850-х гг. предложения местных администраторов упразднить сословие однодворцев, столичные сановники не торопились с этим решением, опасаясь осложнить политическую обстановку в Западном крае. Только после юридической ликвидации в ходе Великих реформ групп «свободных сельских обывателей», сохранявших особый правовой статус, а также упразднения самой категории государственных крестьян, центральное правительство решилось закрыть однодворческий проект.

В *заключении* исследования изложены главные результаты работы, которые сжато сформулированы в основных положениях, выносимых на защиту.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи в журналах, рекомендованных ВАК:

1. Трояновский, К.В. Павловский Сенат и вопрос о податном статусе мелкой шляхты западных губерний на рубеже XVIII–XIX веков [Текст] / К.В. Трояновский // Самарский научный вестник. – 2016. – №3 (16). – С. 99–106. – 1 п.л.
2. Трояновский, К.В. Вопрос о сословном статусе мелкой шляхты западных губерний в правительственной политике первой половины XIX в. [Текст] / К.В. Трояновский // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. – 2016. – №4 (255). – С. 53–60. – 0,75 п.л.
3. Трояновский, К.В. Проектирование сословия однодворцев западных губерний в 1831 г. [Текст] / К.В. Трояновский // Самарский научный вестник. – 2017. – №2 (19). – С. 135–140. – 0,75 п.л.

Другие научные публикации:

4. Трояновский, К.В. К вопросу о политике российских властей в отношении мелкой шляхты западных губерний на рубеже XVIII–XIX веков [Текст] / К.В. Трояновский // The Fifth International Congress of Belarusian Studies. Working Papers. – 2016. – Volume 5. – P. 129–132. – 0,25 п.л.
5. Трояновский, К.В. Мелкая шляхта литовско-белорусских губерний в политике М.Н. Муравьева по «слиянию» Западного края с Россией (1828–1834 и 1863–1864 гг.) [Текст] / К.В. Трояновский // «На службе Отечеству: памяти Михаила Николаевича Муравьева (1796–1866): сборник научных трудов и документов» (Сборники Президентской библиотеки. Серия «Документы и материалы»). – Санкт-Петербург: Изд-во Президентской библиотеки им. Б.Н. Ельцина, 2017. – С. 75–83. – 0,5 п.л.
6. Troianovsky, K. „A Volhynian Revolution”: an episode from the history of relations between the Polish Nobility and Imperial Government in the Age of Alexander I // The Russian Empire 1790–1830: In Search for Narratives for the Alexandrine Age. Conference Papers. Mainz, 2017 (*в печати*) – 1,5 п.л.